

На правах рукописи

Пестерев Станислав Константинович

**СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА
В МАЛОЙ ПРОЗЕ М. А. АЛДАНОВА**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на кафедре истории русской литературы XX века.

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Сваровская Анна Сергеевна

Официальные оппоненты:

Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет», кафедра литературы и методики ее преподавания, профессор

Полева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный педагогический университет», кафедра литературы и методики ее преподавания, заведующий кафедрой

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Защита состоится 21 июня 2017 г. в 14 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан « ____ » апреля 2017 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/PesterevSK21062017.html>

Учёный секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

Общая характеристика работы

Творческое наследие М. А. Алданова, одного из самых известных писателей русского литературного зарубежья, включает тексты различной жанровой природы: пятнадцать романов, повести, рассказы, очерки, пьеса «Линия Брунгильды», журнальная и газетная публицистика, философский диалог «Ульмская ночь». Диссертационное исследование посвящено изучению малой прозы М. А. Алданова. Очерки создавались с 1920-х по 1940-е годы. Число алдановских очерков насчитывает 43 опубликованных текста и 36 текстов, обнаруженных в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. С очерками органично связаны 13 рассказов. Некоторые рассказы представляются фрагментами очерков, развёрнутыми в самостоятельный текст, построенный по законам психологической прозы, воссоздания характеров персонажей.

Художественная логика очерков в определённой степени воплощает общие для художественного мира Алданова историософские идеи: роль случая в истории, сходство и повторяемость исторических процессов и эпох России и Европы, право истории на тайну, ирония истории по отношению к фигурам, претендующим на статус вершителей судеб человечества. Однако очерки не становятся дедуктивно выстроенными иллюстрациями исторических ситуаций; действующие лица реализуют свою человеческую природу не только как субъекты исторической деятельности, но и как частные лица.

История изучения вопроса. Судьба и тексты М. Алданова (романы, очерки, рассказы) уже при жизни оказалась на пересечении самых разных оценок, принадлежавших его современникам (В. Вейдле, П. Бицилли, В. Варшавский, А. Кизеветтер, М. Цетлин, М. Вишняк, Г. Струве). Большой вклад в научно-критическое освоение наследия Алданова принадлежит зарубежным славистам (Ч. Н. Ли, В. Сечкарёв, И. Грабовски). Современное алдановедение началось в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Приоритет принадлежал американским славистам – Ивонн Грабовски¹ и Чарльзу Ли². До этого момента творчество Алданова привлекало внимание западных исследователей, но их работы носили преимущественно обзорный характер³.

В России интерес к Алданову активизировался в конце 1980-х годов. В 1991 году появляется шеститомное собрание сочинений М. Алданова с предисловием А. Чернышева, которое стало первым серьёзным опытом критической рецепции мировоззрения и эстетики Алданова⁴. Без отдельной главы о творческой судьбе Алданова не обходятся ни один учебник, учебное пособие, сборник, посвящённые литературе первой волны эмиграции⁵.

Проблематика работ, появившихся в последние два десятилетия, позволяет выделить общие векторы исследования. Устойчивым остаётся научный интерес к романному творчеству, сосредоточенный вокруг некоторых аспектов и дискуссионных проблем, связанных, как правило, с художественной историософией Алданова и

¹ Grabowski Y. S. The makers and making of history in the works of Mark Aldanov. Toronto, 1968.

² Lee C. N. The novels of M. A. Aldanov. The Hague, 1969.

³ См.: Twarog L. M. Aldanov as an Historical Novelist // The Russian Review. 1949. Vol. 8, № 6. Pp. 234–244 ; DeMarr M. J. Mark Aldanov // In a strange land : contributions to American literature by Russian and Russian-Jewish Immigrants / M. J. DeMarr. – Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. – Urbana, Illinois. 1963. Pp. 222–265.

⁴ Чернышев А. А. Гуманист, не веривший в прогресс / М. А. Алданов. Собрание сочинений в шести томах. – М., 1991. Т. 1. С. 3–32.

⁵ См.: Карпов Н. А. Марк Александрович Алданов // Литература русского зарубежья (1920–1940) : учебник. СПб., 2013. С. 321–343; Млечко А. В. Марк Алданов // Литература русского зарубежья (1920–1990) : учеб. пособие. М., 2006. С. 232–245.

способами её воплощения. Из основных тенденций отметим интерес исследователей к выявлению литературных влияний, в первую очередь, к рецепции Льва Толстого⁶.

По творчеству М. Алданова уже защищено немало диссертационных работ⁷. Объектом изучения по-прежнему остаётся романистика, однако в ряде исследований содержатся идеи, продуктивные в русле настоящего диссертационного сочинения. О. В. Матвеева предложила своё понимание алдановских принципов изображения исторических персонажей: «"очеловечивание" великих людей через акцентирование наиболее прозаических черт их личности»⁸, разрушение «ореола легенды, <...> чтобы обнаружить слабость, тщеславие или фанатизм, сокрытые под маской»⁹. Н. С. Рыжкова правомерно отмечает, что «история служит Алданову не столько для создания картины жизни того или иного героя, но и для проникновения в психологию личности. Алданов не отрицает влияния исторической и социальной среды на человека, но в центре его внимания – те психологические факторы, которые существуют вне времени»¹⁰.

Один из векторов освоения поэтики прозы М. Алданова касается форм присутствия культурных (литературных) имён и текстов и их роли. Одной из первых работ была статья В. А. Туниманова, в которой автор исследовал алдановское «стремление понять и исторически точно <...> осмыслить феномен Достоевского»¹¹. В аспекте художественного воплощения мира Достоевского автором были намечены продуктивные подходы к романам Алданова; упоминание одного очерка («Кверетаро») осталось, к сожалению, аналитически не развёрнутым. Диссертационная работа Е. А. Жильцовой посвящена особенностям рецепции Пушкина, Гоголя, Достоевского и Чехова эстетическим сознанием И. Бунина и М. Алданова. Материал исследования включает и некоторые рассказы Алданова («На "Розе Люксембург"», «Истребитель») и очерки («Убийство Урицкого», «Мата Хари» и другие); автор аргументировано утверждает, что тексты предшественников создают аллюзивный фон, оформляющий смысл отдельных ситуаций и становящийся основой художественного воссоздания человеческой психологии.

В последние годы можно отметить интенсивные попытки осмысления малой прозы Алданова. Так, Н. М. Страшок исследует историософию писателя на материале очерков «Прокурор Фукье-Тенвиль» и «Ванна Марата»¹². Н. М. Тройникова рассматривает «портреты» Алданова, отмечая, что Алданов «повествует о подробностях и важных деталях биографии героя, ведёт читателя от одного события к другому, пытаясь вместе с ним осмыслить причинно-следственный ход жизненных событий, т.е. создаёт

⁶ Макрушина И. В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика. Уфа, 2004 ; Лагашина О. Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепции. Таллинн, 2009.

⁷ Матвеева О. В. Историческая проза Марка Алданова : философия истории, типология характеров, жанровые формы. Москва, 1999 ; Рыжкова Н. С. Концепция человека в «философии случая» Марка Алданова. Ростов н/Д, 1999 ; Метелищенков А. А. Концепция русской истории и формы ее воплощения в тетралогии М. А. Алданова «Мыслитель». Москва, 2000 ; Макрушина И. В. Романы Марка Алданова : философия истории и поэтика. Уфа, 2001 ; Болотова Т. И. Функции философского текста в романах М. Алданова (Платон, Декарт). Саратов, 2007 ; Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. Саратов, 2008 ; Кармацких Н. В. Поэтика тетралогии М. Алданова «Мыслитель» : мотивный аспект. Тюмень, 2009 ; Жильцова Е. А. Русская классическая литература в восприятии И. А. Бунина и М. А. Алданова. Великий Новгород, 2013; Орлова Ю. А. Историософская повесть М. А. Алданова : проблематика, образная система, мотивные ряды. Владивосток, 2015.

⁸ Матвеева О. В. Указ. соч. С. 127.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Рыжкова Н. С. Концепция человека в «философии случая» Марка Алданова. Ростов н/Д, 1999. С. 10.

¹¹ Туниманов В. А. Ф. М. Достоевский в художественных произведениях и публицистике М. А. Алданова // Русская литература, 1996. № 3. С. 87.

¹² Страшок Н. М. Очерки-портреты М. Алданова как отражение особенностей историософской концепции писателя // Литература в контексті культури. 2013. №22. Т.1. <http://mirlit.dp.ua/index.php/LC/article/view/11/10> (дата обращения 17.05.2015)

беллетризованный сюжет»¹³. Автор указывает также на значимость документальной основы алдановских очерков, а также на функции чужого слова» (цитаты, реминисценции). С. Н. Гладышева обзорно комментирует очерки «Гитлер», «Азеф», «Мата Хари», «Сталин» и формулирует несколько продуктивных выводов: «очеркист <...> всегда демонстрирует художественный анализ личности героя, опирающийся на исследование разных её сторон (социальной нравственной, интеллектуальной, творческой). <...> Для создания образа исторической личности Алданов, как правило, воспроизводит нетривиальные ситуации, обнаруживает те знаковые отрезки жизненного пути героя, которые способствуют наиболее полному выявлению его характерных качеств»¹⁴.

Несмотря на очевидные усилия современного литературоведения осмыслить не только романистику М. Алданова, но и его малую прозу, последняя остаётся почти не освоенной: научная мысль, как правило, не выходит за рамки частных наблюдений либо общих рассуждений, не обеспеченных анализом эстетической природы текстов (жанрового своеобразия, системы персонажей и способов создания образа человека). Высказанная более десяти лет назад мысль В. В. Шадурского о том, что «алдановедение в России всё ещё проходит этап становления»¹⁵ особенно справедлива по отношению к степени изученности именно малой прозы Алданова.

Актуальность предпринятого исследования объясняется значимостью малой прозы М. Алданова в составе его творческого наследия, очевидной недостаточностью и конкретных разысканий в области её поэтики, и концептуальных выводов, связанных с художественными принципами изображения человека в очерках и рассказах писателя; необходимостью уточнения отдельных аспектов поэтики персонажей.

Объектом исследования являются очерки и рассказы М. Алданова 1920–1950-х годов.

Предметом исследования выступают принципы и способы создания образа человека в малой прозе М. Алданова, связанные с жанровой природой исследуемых произведений.

Материалом исследования послужили наиболее репрезентативные в русле избранного аспекта очерки и рассказы Алданова 1920–1950-х годов, в том числе – отдельные архивные варианты: «Азеф», «Убийство Урицкого», «Убийство графа Мирбаха», «Взрыв в Леонтьевском переулке», «Лонжюмо», «Убийство Троцкого», «Король Фейсал и полковник Лоуренс», «Ганди», «Бург», «Ванна Марата», «Жозефина Богарне и её гадалка», «Убийство президента Карно», «Ольга Жеребцова», «Мата Хари», «Коринна в России», «Кронпринц Рудольф», «Фукье-Тенвиль», «Сент-Эмилионская трагедия», «Уинстон Черчилль», «Гитлер», «Сталин», «Генерал Пишегрю против Наполеона», «Клемансо», «Бриан», «Сараево и эрцгерцог Франц Фердинанд», «Ганди», «Прямое действие», Фельдмаршал», «Грета и Танк», «Номер 14», «Микрофон», «Тьма», «На “Розе Люксембург”», «Ночь в терминале», «Астролог», «Истребитель», «Каид», «Павлинье перо». Для аргументации отдельных положений привлекаются тексты иной жанровой природы: романы, письма, философское эссе.

Цель диссертационной работы – комплексное исследование способов создания образа человека в очерках и рассказах М. А. Алданова 1920–1950-х годов.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие **задачи**:

¹³ Тройникова Н. М. Поэтика очерков-портретов М. Алданова // Наукові записки ХНПУ ім Г. С. Сковороди. 2014. № 2 (78). С. 177.

¹⁴ Гладышева С. Н. Портреты современников в очерках М. А. Алданова // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. 2014. №2. С. 116.

¹⁵ Шадурский В. В. Об изучении творчества Марка Алданова // Вестник Новгородского государственного университета. 2005. №33. С. 73.

1. Перевод и введение в научный оборот малоизвестных и неопубликованных текстов из материалов Бахметьевского архива (в первую очередь – англоязычных очерковых текстов), исследование архивных материалов в аспекте поэтики персонажа.

2. Включение в активное научное обращение ранее почти не привлекавшихся литературоведческих работ о творчестве М. Алданова на европейских языках.

3. Исследование способов создания образов исторических личностей Алданова в очерках Алданова: диалога авторского сознания с документами; функций культурных имён и текстов; уточнение значения сферы частного существования как характерообразующего фактора; выявление способов создания и разрушения мифа об историческом лидере.

4. Анализ взаимодействия очерковых, «рассказовых» и новеллистических принципов построения образа человека; сопряжение социальной типичности и индивидуальности в системе персонажей рассказов 1920–1940-х годов.

5. Рассмотрение поэтики отдельных рассказов в аспекте дилеммы «художественная неудача vs авторская стратегия».

6. Сопоставление архивных фрагментов и канонических вариантов в аспекте уточнения авторской художественной стратегии; анализ фрагментов незаконченных очерков.

Методологической основой диссертации в области теории литературы послужило философско-эстетическое наследие М. М. Бахтина, работы Ю. М. Лотмана, Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпы, Е. Фарино; исследования, посвящённые проблеме изображения человека в литературе, прежде всего – работы Г. Гачева, Л. Я. Гинзбург; работы в области эмигрантологии (Н. В. Барковской, Ю. В. Матвеевой, В. Повилайтиса). В области изучения эстетики, жанровых особенностей, проблематики прозы М. Алданова значимыми стали работы Ч. Н. Ли, И. С. Грабовски, В. Шадурского, И. Макрушиной, Е. И. Бобко, Т. И. Дроновой, О. Ю. Юрьевой, Е. А. Жильцовой, Т. Н. Бреевой.

Выбор методологических оснований исследования предполагает комплексный подход, использование биографического, культурологического, историко-литературного, сравнительно-исторического методов, принципов интертекстуального анализа текста.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые комплексно рассмотрена почти не освоенная научной мыслью малая проза М. Алданова (очерки и рассказы) в аспекте способов создания образов героев, прослежена связь жанровой природы текстов и поэтики персонажей, выявлены типы связей очеркового, новеллистического дискурсов и поэтики русского психологического рассказа, в научный оборот введены материалы фонда М. Алданова Бахметьевского архива.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что исследуется место и значение малой прозы в художественном мире писателя, эстетические принципы и способы создания образа человека в очерках и рассказах. Уточняется жанровая семантика рассказов, расположенная на пересечении новеллы, психологического рассказа и очерка, что обуславливает поэтику персонажа. Концептуальное изучение очерков и рассказов М. Алданова позволяет расширить представления о способах создания образа человека в разных жанрах.

Научно-практическое значение диссертации заключается в том, что сделанные в ней наблюдения и выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по русской литературе первой волны эмиграции, а также послужить основой для разработки лекционных курсов, методических рекомендаций и учебных пособий по изучению как русской литературы XX века в целом, так и литературы русского зарубежья. Полученные выводы могут быть использованы в эдиционной практике.

Степень достоверности проведённых исследований обеспечивается широтой привлекаемого для анализа материала, включающего архивные варианты очерков и рассказов Алданова; использованием фундаментальных работ в области теории

литературы (М. М. Бахтина, Н. Д. Тмарченко, Е. Фарино, Ю. М. Лотмана, Л. Я. Гинзбург); привлечением авторитетных исследований в области эмигрантологии и посвящённых творческой судьбе М. Алданова (Ч. Н. Ли, И. С. Грабовски, В. В. Шадурского, О. Лагашиной, Н. В. Барковской). При освещении частных вопросов был использован широкий круг иных источников теоретико-методологического характера.

Апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации были представлены на научных конференциях различного уровня: Первой Молодёжной научной школе с международным участием «Синхрония и диахрония: современные парадигмы и современные концепции» (Томск, ТГПУ, 2012); Всероссийской молодёжной конференции «Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых учёных» (Томск, ТГУ, 2012); Конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, ТГУ 2013); Всероссийской научной конференции с международным участием «Сюжетно-мотивная динамика художественного текста» (Новосибирск, ИФЛ СО РАН, 2013); I (XV) международной конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, ТГУ, 2014); Круглом столе «Жанровые и повествовательные стратегии в литературе русской эмиграции» (Томск, ТГПУ, 2014); II (XVI) международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, ТГУ, 2015); VII всероссийской научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве» (Томск, ТГПУ, 2015); Региональной научной конференции «Манипуляция в зеркале и практике художественной словесности» (Томск, ТГУ, 2015); XII Всероссийской научной конференции «Дергачёвские чтения – 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций» (Екатеринбург, УрФУ, 2016)

По теме диссертации опубликовано 10 работ, 4 из которых – в журналах, включённых в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Положения, выносимые на защиту

1. Способы создания образа человека в очерках писателя связаны с активным диалогом с разного типа документами, в результате которого оформляется авторская версия судьбы исторической личности.

2. Важнейший способ создания характера – апелляция к культурным (литературным) именам и текстам как закреплённым в мировой культуре авторитетным образцам исследования человеческой природы.

3. Принципом создания образа исторической персоны оказывается исследование сферы частного существования, позволяющее уточнить содержание её внутренней жизни.

4. Алданов выявляет несоответствие человеческой природе политического лидера тем циклически воспроизводимым мифам, создаваемым историческим персонажем, массовым сознанием и массовой культурой.

5. Жанровая семантика рассказов расположена на пересечении новеллы, психологического рассказа и очерка, что обуславливает принципы построения образа человека. Система персонажей воплощает ситуации столкновения судеб и точек политических личностей и частного человека.

6. Поэтика отдельных рассказов представляет собой реализацию дилеммы «художественная неудача vs авторская стратегия».

7. Архивные материалы позволяют существенно уточнить авторскую художественную стратегию создания образов отдельных персонажей.

Структура работы обусловлена логикой исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

Основное содержание работы

Во введении реферативно представлены основные положения эмигрантской критики, наиболее содержательных работ современного российского литературоведения и зарубежной славистики, посвящённых эстетике и художественному миру М. Алданова; обоснованы цель, задачи, научная новизна исследования и сформулированы положения, выносимые на защиту. Введение содержит также комментированное изложение наиболее авторитетных теоретических источников по проблемам художественного образа, жанровой природы очерка, рассказа, новеллы.

Первая глава – «Способы создания образов человека в очерках М. Алданова» – посвящена поэтике художественных очерков Алданова, создававшихся в 1920-х по 1950-е годы. Число очерков насчитывает 43 опубликованных текстов и 36 текстов, обнаруженных в Бахметьевском архиве Колумбийского университета Нью-Йорка.

В разделе 1.1 – «Диалог авторского сознания и документа как основа создания авторской версии судьбы исторической личности» – отмечается, что портретные очерки М. Алданова принадлежат к литературе non-fiction, документальной литературе, синонимично обозначаемой «литературой факта», «литературой человеческого документа»¹⁶ и включающей дневники, записные книжки, мемуары и иные типы текстов, в которых автор опирается на факты реальной действительности, подтверждённые документально. Жанровая природа очерка предполагает такие отмеченные теоретиками литературы характеристики, как диалектика документального и художественного, сопряжение прямого авторского слова и сознания персонажей, особое структурирование исходного материала. Документальные тексты становятся исходными источниками при создании авторской версии судьбы известных исторических личностей. Можно говорить об особой документальной образности, характерологической функции документа при портретировании персонажа. Очерки Алданова опираются на разные типы документов (архивные материалы, работы известных историков, мемуары, письма исторических персонажей, устные источники – слухи, рассказы знакомых автора; информация, исходящая от самих участников событий, воспоминания автора о посещении памятных мест, то есть его персональный опыт, и другие). Документы становятся основой при создании образа персонажа. В текстах очерков постоянно соотносятся основной текст и сноски, должныствующие верифицировать излагаемые события, рождается диалог авторской версии судьбы и характера героя очерка и документально закреплённых версий предшественников. В корпусе очерков выделяются такие, где удельный вес документальных отсылок наиболее значителен и где разворачивается активный диалог авторского сознания и документальных источников. Среди таких текстов – очерк «Азеф». Авторы используемых документов – А. Аргунов, Л. Ратаев, В. Бурцев, Б. Николаевский, задействован архив В. К. Агафонова. Алданов предельно корректен по отношению к своим предшественникам и учитывает разные точки зрения на поступки Азефа. Особым видом документа становятся письма Азефа; в примечании Алданов указывает на своё с ними знакомство в архиве В. К. Агафонова. Текст очерка начинается с упоминания письма Азефа из Германии в департамент полиции с предложением своих услуг. И хотя из письма цитируется только подпись («готовый к услугам покорный Ваш слуга»), этого оказывается достаточно, чтобы усмотреть иронию доносчика, что «работает» на авторскую версию мотивации деятельности Азефа – власть игрового инстинкта в человеческой природе персонажа: «Он был игрок и по характеру, и по необходимости».

¹⁶ Местергази Е. Г. Литература non-fiction/non-fiction: экспериментальная энциклопедия. Русская версия / Е. Г. Местергази. М., 2007. С. 36, 43.

В целом документы признаются неукоснительными ориентирами, объектами уважительного отношения, но не остаются носителями истины в последней инстанции. Если в «Азефе» присутствие документов необходимо для построения диалога с ними, то на другом полюсе – предельное редуцирование документальной опоры, потребность авторского сознания оформить свою версию события и участников как монологическую, авторитарную. Так, в «Убийстве графа Мирбаха» создаётся своего рода эффект «обманутых ожиданий», когда игнорируются многочисленные и повторяющиеся в разных источниках описания авантюрно-криминальных ситуаций с участием Блюмкина, что могло бы привлечь читательский интерес к этой фигуре. Игнорирование фактов, могущих сделать фигуру Блюмкина психологически неоднородной, прочитывается как авторская стратегия, когда персонажу отказано в способности добавить нечто к своей роли в истории, кроме как убийцы (да и то сомнительного) Мирбаха. Основной исполнитель в деле убийства Мирбаха – Андреев, однако ему уделено в очерке ещё меньше внимания, он не представляет для автора почти никакого интереса: в нём нет даже той авантурной харизмы, которая всё же отличает Блюмкина. Очерковые персонажи, таким образом, располагаются в парадигме нарастания «личностной безликости», которую автор не склонен корректировать никакими документами, которые могли бы его версию опровергнуть.

Наряду с текстово закреплёнными документами для Алданова оказывается необходим личный опыт, обретающий статус «человеческого документа» и дающий право судить о том или ином историческом субъекте на основании собственного с ним диалога. Это встречается нечасто и наиболее выразительно отражено в очерке «Убийство Троцкого». История восприятия Алдановым Троцкого прослежена в работе О. Лагашинной¹⁷. В диссертации делается акцент на противоречиях алдановской логики в очерке, связанных фактором «печатной» полемики с Троцким. Автор реконструирует характер Троцкого, содержание его внутренней жизни в изгнании и в последние дни его жизни с близкой дистанции, что как будто должно помочь пониманию персонажа. С другой стороны, очевидна интенция подняться над личным восприятием («ничего личного я в статью не вношу») и опереться на различные отзывы о Троцком (А. Гитлера, У. Черчилля, В. Розанова). Авторская модальность отмечена антиномичными суждениями. За Троцким признаётся духовно-психологическая трагедия, но столь же уверенно умаляющие персонажа сентенции. Не приближает к разгадке трагедии и воссоздание рисунка поведения его убийцы, по мнению автора, заурядного человека, попавшего в зависимость от советской агентурной системы. Столь же одномерно негативно представлен Сталин; Троцкий и Сталин уподобляются друг другу, рождая семантику двойничества. Финал очерка если не перечёркивает, то во многом обесценивает все предыдущие психологические разыскания; один диктатор уничтожил другого, в котором почувствовал политического конкурента. Фактор знакомства с объектом изображения трансформирует роль документальных источников: они могут присутствовать в большом количестве, но их значимость нейтрализуется личным отношением автора к персонажу.

Выявленные закономерности природы алдановского документализма характерны и для других очерков. Доверие к документам, апелляция к их авторитету характерна для очерков, посвящённых европейским историческим деятелям и событиям, в первую очередь – эпохи Великой Французской революции («Сент-Эмилионская трагедия», «Прокурор Фукье-Тенвиль»), а также «Французская карьера Дантеса», «Полковник Пикар и дело Дрейфуса» и др.). Автор выстраивает свои гипотезы на документах как на единственных источниках собственного знания о ситуации, иногда сталкивая их между собой. Однако, когда автор обладает персональным опытом и видел, либо общался с прототипами своих персонажей («Ганди», «Клемансо», «Бриан»), удельный вес документа

¹⁷ Olesya Lagashyna. «Недонаполеон»: Марк Алданов о Л. Троцком. Toronto Slavic Quarterly. 34. Fall 2010 http://sites.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_lagashyna.pdf (дата обращения 25.11.2013)

уменьшается, автор предлагает концепцию, отличную от представленной в документах. В некоторых очерках обнаруживается своего рода «антидиалог», когда документы намеренно игнорируются или редуцируются во имя непреложной для автора идеи.

Документальные источники, начиная с первого очерка, вступают в активное взаимодействие с литературным контекстом, который нередко их «потесняет» и оказывается более значимым способом характеристики персонажа и носителем авторской оценки.

Раздел 1.2 – «Сфера культуры (литературы) как инструмент создания характера героя». Помимо диалога авторского сознания с разного рода документами в очерках возникает принципиальный в ходе создания авторской версии характера и судьбы исторических персон культурный (литературный) контекст, расширяющий и углубляющий диапазон средств создания образов. Так, в очерке «Азеф» упоминается «Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева, «Азеф» Р. Гуля; начиная с четвёртой главы принципиальны отсылки к «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского, автобиографической трилогии Л. Н. Толстого, к имени М. Горького. Наиболее принципиальным представляется словосочетание «Иудушкино пустословие», относящееся к Порфирию Головлёву и проецируемое на Азефа. Речи Азефа оцениваются как лицемерные и бессодержательные, по аналогии со словами щедринского героя, который маскировал пропасть между благонамеренными речами и внутренним цинизмом. «Иудушка» отсылает и напрямую к Иуде и сюжету предательства; Азефу отказано в прямом сопоставлении с библейским персонажем в силу неизмеримо меньшего масштаба личности.

Важна и проекция судьбы и поведения Азефа на сюжетные ситуации «Преступления и наказания», в частности, из 5 и 6 глав IV части романа, где пять раз в разных формах звучит слово «сюрприз». У Достоевского это вторая встреча Раскольникова и Порфирия Петровича, который приготовил ему «сюрприз», оставив за дверью мещанина, пришедшего оправдывать Раскольникова. Смысл ситуации заключается в психологическом поединке подозреваемого и обвинителя. Формально Азеф занимает место Раскольникова, принципиально отличаясь от него: герой Достоевского пытается реализовать свои идеологические построения; убийства, организуемые Азефом, совершаются, по версии автора, из чувства азарта, игры и инстинкта самосохранения. Алдановский Азеф лишён раскольниковской психологической многослойности. В очерке присутствуют и отсылки к Л. Толстому, являвшимся для Алданова безусловным моральным ориентиром. Герой очерка, пребывающий в немецкой тюрьме, составляет «таблицу морально-философских правил» по аналогии с «Правилами жизни» Николеньки Иртеньева. Очевидна ирония и снижающий контраст такого сопоставления: у Толстого – молодой человек, искренне желающий жить честно и праведно, алдановский герой – предатель, на совести которого – немало загубленных человеческих жизней. Происходит перемещение героя от документальной «родословной» в эстетическую парадигму авторитетных для автора литературных текстов, и тогда оценочная шкала поступков исторического Азефа оформляется в аксиологической системе Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Толстого.

Культурные (литературные) тексты могут служить героизации персонажа, как в очерке «Убийство Урицкого». В дневниках Леонид Канегисер, размышляя о потребности обрести внутреннюю гармонию, обращается к стихотворению Тютчева «О, вещая душа моя...». Алдановский персонаж чувствует сходство своей души с внутренним миром лирического героя Тютчева, с его одиночеством и духовными диссонансами. В нескольких фрагментах текста автор обращается к фигуре Достоевского, подчёркивая близость своего персонажа парадигме героев великого предшественника, соразмерность его внутренней трагедии метаниям Раскольникова. В финале очерка появляются гоголевские персонажи. В последние дни перед расстрелом Канегисер уподобляется

Остапу, но при этом поддержки близких людей не получает, и его внутренние страдания становятся острее.

Одна из главных закономерностей литературного кода в некоторых очерках – корреляция национальной принадлежности персонажа очерка и упоминаемых литературных имён. Имена Гюго, Золя, Бальзака появляются в текстах, посвящённых французским историческим личностям (Клемансо, генерал Пишегрю, Фукье-Тенвиль), Гейне и Гёте – немецким (Мольтке, Гитлер, Франц-Иосиф), а В. Скотт, Майн Рид, Байрон, соответственно – английским («Ольга Жеребцова», «Уинстон Черчилль»). С другой стороны, происходит совмещение и взаимоперекличка разных культур и литератур в одном тексте. Литературные аллюзии нередко сопровождают прямое авторское слово – как отсылка к безупречным формулам, содержащим концентрированное воплощение культурного опыта, знания человеческой природы.

К числу исторических персон, вызывавших пристальный интерес Алданова, относится У. Черчилль – персонаж одноимённых очерков 1927 и 1941 годов. Удельный вес литературного контекста в них значителен и представлен именами Дж. Лондона, В. Скотта, Майн Рида (в этом ряду и американские имена, и те, чья судьба равным образом была связана с Англией и Америкой). Они появляются в тексте в связи с разными этапами судьбы Черчилля. Упоминание В. Скотта сопряжено с молодостью персонажа, с ситуацией его участия в военных действиях в Индии, Африке, на Кубе. Будучи очевидцем варварских способов ведения войны, Черчилль избавляется от различных иллюзий, закреплённых в литературном источнике. Обретение необходимого прагматизма и безыллюзорного взгляда на мир видится автору основой становления Черчилля как политического деятеля. Имя Майн Рида проецируется на ситуации рискованного побега из плена, закрепляет за персонажем способность рисковать, что утверждается как необходимые качества для политика XX века. Активность Черчилля, аналогом которой видятся поступки героев Майн Рида, противопоставляется семантике толстовского Платона Каратаева. Для алдановского персонажа неприемлемо приспособление к обстоятельствам, это человек индивидуального, а не роевого сознания и самовольно определяет свою судьбу. В очерке «Уинстон Черчилль» 1941 года литературный контекст проступает лишь однажды и представлен именами Гёте и Л. Толстого и прочитывается как очередное признание их приоритета в постижении человеческой природы.

Способы сопряжения текстов культуры с характеристиками и оценками персонажей разнообразны. Иногда герой очерка как бы изначально «извлекается» из классического текста, как это происходит в очерке «Ольга Жеребцова». Избирая «литературную» точку отсчёта, автор не размывает фактологическую конкретику: источниками информации продолжают оставаться работы русских и английских историков, эпистолярий, архивы, частные свидетельства. Из сферы литературы упоминаются У. Теккереи, В. Скотт, В. Гюго, А. С. Грибоедов, Л. Н. Толстой. Однако сквозной диалог происходит преимущественно с герценовским текстом (упоминаемым или цитируемым более десяти раз), что диктуется потребностью найти точки соприкосновения и расхождения с предшественником в понимании логики поступков героини в пространстве трагических событий русской и европейской истории. Автор не стремится создать сколько-нибудь законченный портрет, его цель, скорее всего, – убедиться как раз в невозможности составить о ней однолинейное суждение. Л. Я. Гинзбург пишет, что «Герцен стремился познать не столько индивидуально-психологические, сколько исторические черты человека. <...> Социально-историческая обусловленность человека – необходимая предпосылка психологического анализа»¹⁸. В логике алдановского очерка героиня ведома индивидуальными привязанностями, страстями и антипатиями, жадной достижения личных целей. Любовные интриги, перипетии отношений с Лордом Уитвортом,

¹⁸ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Советский писатель. Ленинградское отделение, 1971. С. 267.

пересечение с судьбой Георга IV, даже вовлечённость в ситуацию покушения на Павла I свидетельствуют о несогласии героини с правилами политических игр и отстаивании своих интересов. Полемика с герценовской стратегией надления личной судьбы исторической «нагрузкой» завершается в финале очерка. «Vivre sa vie», жить своей жизнью в век множества влияний и норм – одно из наиболее ценных для Алданова качеств личности, хотя, конечно, именно склад личности Ольги Жеребцовой, то, как она проживала свою судьбу, оформляло облик её века. Последние годы её жизни реализуют идею подчинённости человека не историческому, а физическому времени, его разрушительному влиянию. В заключении очерка над герценовским текстом «надстраивается» цитата из стихотворения В. Гюго: «Пришли надолго дни тоски, уже зовёт меня могила...». Судьба героини в окружении поэтической формулы размыкается в природное измерение жизни, не сводимое к историческому.

Одним из оснований, по которым можно дифференцировать культурные контексты, является их принадлежность к сферам высокой или массовой культуры. Явной демаркационной линией в предпочтении той или иной сфер провести нельзя, и всё же можно усмотреть некоторые закономерности корреляции культурных феноменов и человеческой природы персонажа, как, например, в очерке «Мата Хари», героиня которого причастна большой политике XX века и привлекает автора своего рода «кинематографичностью» судьбы. Склонность героини к созданию громкого имени реализуется доступными ей средствами. Карьера «восточной танцовщицы» имела в основе «арсенал дешёвой поэзии». Мата Хари проницательно избирала ту роль, которая была востребована не только массовым сознанием, но и искушёнными зрителями, богемной публикой. Жизнь Мата Хари видится соприродной более всего эстетике американского кинематографа. В очерке устойчивы формулы «эстетика сенсационного боевика», «биографический бульварный фильм». Смерть Мата Хари становится для автора «самой блестящей сценой её жизни». Эксплуатация дешёвых эффектов продолжается в тюрьме. Таким образом, героиня проживает судьбу по законам кинематографа и массового искусства в целом.

Литературоцентричность авторского сознания, апелляция к авторитетным эстетическим образцам сообщает образам персонажей психологическую многомерность и позволяет уточнить художественную логику того или иного очерка.

В разделе 1.3 – «Реализация исторических персонажей в сфере частной жизни как способ создания характеров» – речь идёт о важном в характерологическом плане измерении, связанном с семейными коллизиями, родительским домом, взаимоотношениями мужчины и женщины. Наиболее репрезентативными в избранном аспекте представляются очерки «Убийство Урицкого», «Азеф», «Жозефина Богарне и её гадалка», рассказ «Номер 14». Внутренний мир главных героев создаётся классическими для русской литературы способами, среди которых неизменно присутствуют семейные коллизии. Сфера частной жизни расширяет семантический диапазон образов исторических персон. В очерке «Убийство Урицкого» важное место обретает семантика родительского дома, упоминания о котором встречаются шесть раз. Мотив дома, семьи связан с идеей жертвы, которую должен принести герой-террорист за свои убеждения. Он отрывается от быта, семейных связей. Леонид Канегисер уходит из дома после казни товарищей, ограждая от преследования близких людей. Но в четвёртой главе фиксируется ситуация, когда в день преступления Канегисер приходит поиграть с отцом в шахматы. Игра в шахматы – метонимическое замещение дворянского уклада жизни, от которого герой пытается и никак не может до конца оторваться. Ещё один из ритуалов – чтение вслух. Примечательно, что герой просит сестру прочитать главу из «Графа Монте-Кристо», посвящённую политическому убийству. Последний фрагмент, где упоминается родительский дом, – попытка автора реконструировать мысли Канегисера перед убийством. Герой, отказавшись от семейных ценностей, обрекает себя на трагическое одиночество, искажает естественные координаты жизни, прежде всего – нравственные.

В «Азефе» приватная сфера существования героя выдаёт его гедонистическую философию жизни, нежелание отказываться от житейского комфорта – при внешней претензии на статус подпольного героя-революционера. Продолжением сюжета взаимоотношений политического деятеля и женщины можно рассматривать рассказ «Номер 14», где речь идёт о последних днях и гибели Муссолини и его спутницы Клары Петаччи (соположение очерка «Азеф» и данного рассказа демонстрирует отсутствие резкой границы между отдельными очерками и рассказами). В сознании диктатора женщина остаётся объектом привязанности, она оказывается для него воплощением родительского дома, материнской защиты. Её неистовое желание – убедить Муссолини, что всё будет хорошо, она обманывает себя и его и при этом готова быть вместе с ним до конца. Финал очерка прочитывается как новеллистический пуант, типологически близкий устойчивой ситуации русской литературы – испытания мужчины женской любовью и верностью. Алдановский Муссолини дискредитируется не только как политический лидер, но и как частный человек, а Клара Петаччи развивает идею жертвенности и верности женщины.

В центре очерка «Жозефина Богарне и её гадалка» уже не герой-мужчина, а судьба жены Наполеона, изображаемая в переплетении не только с человеком «большой» истории, но и с мадам Ленорман, фигурой «малой» истории. Интерес автора к психологической стороне жизни персонажей приводит к убеждённости в неподвластности женской психологии рациональному постижению; однако сохраняется уважительное отношение к Жозефине, она остаётся верна своей эмоциональной природе (влюбляется, отчаивается, шутит). Судьба мадам Ленорман реализует идею равноправия политической истории и частного измерения жизни.

В разделе 1.4 – «Политический лидер: миф и человек» – выявляются доминантные признаки очерковой поэтики Алданова, так или иначе нацеленные на постижение кардинального несоответствия человеческой природы исторической личности (особенно политического лидера) тем мифам, который создавался им самим и его окружением. Авторская интенция разрушения опасных для человечества политических мифов в некоторых текстах становится сюжетообразующей в очерке «Ванна Марата», наиболее репрезентативном в избранном аспекте. Автор, исходя из убеждения в противоречивости человеческой природы Марата, создаёт своего рода антропологический портрет, включая физиологические подробности («безобразный от природы»), психологические доминанты («Человек с нестерпимым характером»). Сочувственные характеристики растворяются в таких оценках, как «чудовищное», «патологическое», «невыносимое». Когда же речь заходит о масштабах притязаний Марата на статус учёного и писателя, возникает облик человека, испепеляемого завистью к талантливым творцам в любой области и стремящегося утолить своё тщеславие в рецензиях на самого себя. Подоплёкой революционной деятельности Марата видится компенсация личной уязвлённости. Революция для него – один из способов мести старому миру и возможность обретения статуса национального героя. Воссоздаются механизмы автомифологизации, подкрепляемые мифотворчеством сторонников и поклонников Марата. Однако срок культов недолог и оборачивается ненавистью к недавнему кумиру. В последней части очерка открывается, как течение времени окончательно разрушает миф о Марате: его прах выбрасывается из Пантеона в сточную канаву, памятник уничтожается. Персонаж алдановского очерка, с одной стороны, уникален в ряду политических фигур европейской истории. С другой стороны, его судьба репрезентативна в аспекте аналогий европейской и российской политической истории. Мифологизация и демифологизация (и вновь – ремифологизация) видятся универсальными процессами, демонстрирующими общность движения истории в разных странах.

Содержанием **второй главы – «Принципы создания образа человека в рассказах М. Алданова»** – стало исследование рассказов М. Алданова в ракурсе способов создания образа человека. В работе уточняется, что корпус рассказов количественно значительно

меньше, чем очерков, и тесно с очерками связан. Некоторые рассказы можно рассматривать как фрагменты очерков, развёрнутые в самостоятельные тексты, построенные по законам психологической прозы, как, например, очерк «Бург» и рассказ «Прямое действие».

Раздел 2.1 – «От очерка “Бург” к рассказу “Прямое действие”: метаморфозы образного ряда» – играет роль связующего звена между первой и второй главами и посвящён сопоставлению очерка и рассказа, связанных одним рядом персонажей – семьёй Франца Иосифа. Австрийская тематика занимает в творчестве Алданова значительное место. Четыре очерка («Бург», «Кронпринц Рудольф», «Сараевское убийство», «Кверетаро») и рассказ «Прямое действие» свидетельствуют об особой роде данного хронотопа в сознании автора. Связь текстов определяется известными историческими лицами, главные из которых – Франц Иосиф, кронпринц Рудольф, Франц Фердинанд, Елизавета Австрийская. Это не только представители влиятельнейшей европейской монархии, но и члены одной семьи. Можно предположить, что именно в этих текстах Алданову важно было проследить, как каждый из них реализовал себя в большой истории и в частной жизни, постичь психологию семейных отношений. Очерк «Бург» (1938) и рассказ «Прямое действие» (1953) составляют очевидно соотносимую пару. Очерковый сюжет в «Бурге» следует историческим фактам; автору особо важны те из них, которые касаются повседневного уклада и позволяют составить представление о стиле жизни императора и извлечь из известных фактов психологическое содержание судьбы. Персональный выбор императора – эскапизм, принявший форму тотальной ритуализации жизни, следование традициям и этикету. В авторе-очеркисте то и дело прорывается рассказчик, которому интересно разгадать, что творится в душе императора, что скрыто за его поступками: и теми, что остаются в рамках принятых правил, и теми, что не укладываются в них (женитьба на Елизавете). Автор признаёт дистанцию между своими аналитическими усилиями и внутренним миром героя, который остаётся в границах самообладания даже после гибели Елизаветы. В финале очерка автор только фиксирует нестандартный жест императора, который отослал принадлежавшие Елизавете письма Гейне сестре поэта. Разгадывать побудительные мотивы автор не берётся, хотя даже из констатации поступка проступает конфликт между стремлением императора следовать придворному церемониалу и органическими проявлениями его человеческой природы. В целом способ создания образа Франца Иосифа соответствует характеру объекта исследования: очерковая сдержанность адекватна закрытости внутренней жизни героя.

Начиная с четвёртой главы главным персонажем очерка становится Елизавета, и её поведение оказывается для авторского характеростроения более проницаемым, чем в случае с Францем Иосифом. Автор позволяет себе психологическое «всезнание». Елизавета изначально повинуетя своим природным склонностям, начиная с замужества. Соппротивление регламентированному существованию принимает различные формы (строительство собственных дворцов, готовность к общению с разными людьми, не имеющими никакого отношения к «большой семье императоров и королей»). Наиболее «говорящий» для автора источник знания о героине – её литературные пристрастия. Имя, сопровождавшее её жизнь, – Генрих Гейне. В романтической парадигме выстраивается её судьба, отмеченная признаками жизнотворчества. То, что виделось окружающими экзальтацией, в ореоле трагической гибели обернулось подлинной духовной трагедией – ещё до смертельного выстрела.

Рассказ «Прямое действие» – история одного события, охватывающая несколько дней. Фабула рассказа – поездка императрицы Елизаветы и её компаньонки, графини Старэй, в Женеву. Находящийся там анархист Луиджи Луккени узнаёт об этом, находит её на пристани и наносит ей удар в сердце. Психологические сюжетные линии – воссоздание внутреннего мира Елизаветы в последние дни её жизни и попытка разгадки личности убийцы. Психологический портрет императрицы создаётся преимущественно в логике несовпадения разных точек зрения на неё и приближения к самораскрытию,

саморефлексии. Образ Елизаветы разворачивается как преодоление героиней разного рода препятствий на пути к естественному, частному существованию, предчувствие и трагического финала судьбы. Что касается личности убийцы, то здесь решающее мнение принадлежит повествователю, сближающемуся с очерковым автором. Сопоставляя очерк и рассказ, можно уловить подвижность отдельных граней поэтики, их взаимопроницаемость. Необходимость следовать очерковой фактографичности как бы сковывает потребность субъективно-психологической реконструкции внутренней жизни, внутренних конфликтов персонажей, но уже в «Бурге» автор поддается искушению «дописывать» ситуации, не подкрепляемые внешними источниками. Такая интенция реализуется через много лет в рассказе.

В разделе 2.2 – «Образы политических личностей и частного человека: пересечение судеб и точек зрения» – анализируются рассказы «Фельдмаршал», «Микрофон», «Астролог», «Истребитель» в аспекте воссоздания психологического портрета политического лидера. В «Фельдмаршале» (1942) главный герой становится субъектом сознания, чья рефлексия простирается от замышляемого плана устранения Гитлера до мельчайших деталей своего физического состояния и бытовых обстоятельств. Психологический портрет фельдмаршала составляется из деталей сторонних наблюдений (например, журналистов) и корректирующего такого рода суждения слова героя. Он сопротивляется мифу о нём, создаваемому окружением. Герой отмечает в себе состояние тоски, раздражения, беспокойства, ненависти к Гитлеру. Возникает конфликт внешнего поведения, необходимости скрывать от окружающих свои мысли и внутренней жизни, сосредоточенной вокруг идеи устранения фюрера.

Смена ракурса изображения исторической фигуры происходит в рассказе «Микрофон» (1942): один день жизни британского премьер-министра Черчилля (решение политических вопросов, поездка в парламент, речь по радио и появление у разрушенного бомбардировкой здания) пересекается с судьбой вымышленного персонажа – офицера, обеспечивающего техническую поддержку, моделируя встречу большой истории и частного человека, наделённого некоторыми деталями биографии. Однако индивидуальная сфера существования инженера остаётся предельно редуцированной, функция персонажа ограничена только его наблюдением и оценкой Черчилля как великого человека; его восхищение «большим человеком» закрепляется самооценкой Черчилля. Поведение премьер-министра становится предметом его самоанализа: он видит свою миссию в выполнении социальной миссии, в том, чтобы оставаться образцом мужества и самообладания.

В рассказе «Астролог» (1947) выстраивается несколько иная конфигурация персонажного состава, когда на первый план выступает не Ева Браун, не гестаповец, приходившие к профессору-астрологу и просившие предсказать будущее их знакомому, в котором астролог без труда угадал Гитлера, а сам Гитлер и сам астролог. Не случайно смоделирована ситуация его случайной встречи с Гитлером в бункере. Облик Гитлера проступает исключительно в зоне стороннего восприятия и сторонней рефлексии (и как физическое лицо он появляется лишь точечно, при столкновении с профессором). Как персона, Гитлер притягивает внимание людей, среди которых – любящая его женщина, идеологический оппонент и далёкий от «политической кухни», но наделённый психологической проницательностью астролог – конформист, прагматически воспринимающий окружающий мир. Посетители астролога в совокупности своих суждений конструируют психологический портрет Гитлера как недолговечного диктатора, который становится никем уже спустя несколько часов после смерти. Очевидна связь Гитлера – героя «Астролога» и Гитлера из одноимённого очерка 1932 года, где обнаруживается своего рода беллетризация персонажа, доверие не столько к документам, сколько к своему воображению: автор фиксирует эстетические координаты поведения, речей диктатора. Логика связи очерка и рассказа заключается в потребности автора подтвердить правоту своих ранних наблюдений и исторических прогнозов.

В рассказе «Истребитель» выявляется поэтика образов персонажей, пребывающих на периферии большой истории. Следуя пушкинской парадигме изображения истории «домашним образом», Алданов соотносит исторических лидеров и частного человека. В качестве наиболее репрезентативного текста выбирается и анализируется рассказ «Истребитель» (1948). В условно выделенном корпусе четырёх рассказов его можно прочесть как своего рода завершение логики движения авторской стратегии – от сохранения в качестве объекта психологического наблюдения и оценки исторических персон – к перемещению ценностного полюса к маленькому человеку, пребывающему на периферии большой истории и оцениваемому её субъектом с точки зрения частного сознания. С одной стороны, число исторических персонажей увеличивается по сравнению с предыдущими рассказами: Черчилль, Сталин и Рузвельт оценивают друг друга в ситуации Ялтинской конференции. С другой стороны, неизмеримо повышается удельный вес частных судеб людей, оказавшихся косвенно причастными историческому хронотопу. Концепция рассказа располагается в русле алдановских идей права маленького человека на достойное и независимое существование. Паритет исторических и вымышленных героев прежних рассказов сменяется иерархией, в которой главным оказывается скромный дезинсектор, а не «Большая тройка». Образ Ивана Васильевича складывается из множества деталей (бесфамильность, то есть близость к типу маленького человека на обочине большой истории), неожиданная болезнь, робкая любовь к сильной женщине, духовный аристократизм).

Раздел 2.3 – «Поэтика отдельных рассказов как реализация дилеммы “эстетическая неудача vs авторская стратегия”» – обращён к рассказам, представляющим интерес с точки зрения своей эстетической уязвимости, не сводимой к феномену творческой неудачи (таковым можно считать лишь рассказ «Рубин», (1949)), но заметно проигрывающим в эстетическом достоинстве рассмотренным выше. В качестве наиболее репрезентативных анализируются рассказы «На “Розе Люксембург”» (1942), «Тьма» (1942), «Ночь в терминале» (1948), «Каид» (1955), «Павлинье перо» (1957). Почти во всех рассказах эксплуатируется фабульная ситуация экспериментального характера: замкнутые топосы корабля, самолёта, острова, парижского кафе и сведённые по разным причинам в этом пространстве разные люди, что предполагает испытание каждого из персонажей на индивидуальную реакцию, способность выйти за рамки социального или профессионально статуса, национальных и идеологических стереотипов. В первом из перечисленных рассказов на судне, которое должно уничтожить немецкую субмарину, помимо советского экипажа (капитан Прокофьев, комиссар Богумил, врач Марья Ильинична, безмянный штурман), оказываются американец Гамильтон и британский «коммодор» Дэффильд. Их общий исторический противник – командир немецкой подводной лодки капитан Лоренц. Последний исчерпывается фанатичной приверженностью нацистской идеологии и социальной функцией. Облик советских персонажей оформляется в логике укрощения природных и нравственных основ во имя идеологического диктата и требований военного времени. Душевный мир Прокофьева выстроен как внутренний протест против его социальной функции; его индивидуальные реакции располагаются в общении с иностранными военными и обнаруживают способность преодолевать социальную и национальную типичность. Литературные аллюзии и другие детали призваны оформить его облик в парадигме чеховского героя (Войницкий, Вершинин), но это подаётся излишне прямолинейно; сохраняется линия успешного продолжения судьбы советского капитана корабля. Приметы индивидуальности не преодолевают общей плакатности внутреннего облика. Остальные персонажи не выходят за границы стереотипов национальной ментальности, а весь рассказ остаётся растянутым семидесятистраничным имагологическим этюдом дедуктивного характера: национальный менталитет, подчинённый идеологическому диктату времени, почти исчерпывает логику поведения и сферу рефлексии.

Рассказы «Тьма» и «Ночь в терминале» прочитываются как вариации проверки человеческой природы на острые раздражители.

Последний из рассматриваемых в обозначенном аспекте рассказов – «Павлинье перо» – более остальных провоцирует рассмотреть его в русле дилеммы «эстетическая неудача vs авторская стратегия». Он как будто возвращает к устойчивым алдановским размышлениям об истоках человеческого властолюбия, психологической подоплёке политических страстей, своего рода политической антропологии. Сюжетное столкновение и взаимное восприятие носителей восточного и европейского сознания психологизирует сюжет, речь идёт о проявлении человеческой природы в напряжённых исторических ситуациях, о трудно определяемой национальной составляющей поведения и миропонимания.

В разделе 2.4 – «Семантика и поэтика персонажа: по материалам Бахметьевского архива» – анализируются архивные тексты (рукописи, черновики, авторские первоначальные редакции, а также рецензии на алдановские тексты), связанные с очерками и рассказами, исследуемыми в диссертации. В работе даётся краткое описание алдановского архива, принципы расположения материалов (по жанровому принципу). Тома с 12 по 31 включают художественные тексты и публицистику.

В первой части раздела – 2.4.1 ««Грета и Танк»: архивный и канонический тексты» – сопоставляются черновой и окончательный варианты рассказа «Грета и Танк» (первоначальное заглавие – «Женщина с удавом»), выделяющегося из общего корпуса малой прозы Алданова. Текст черновика представлен двумя с половиной страницами: первой, второй и небольшим, в треть страницы, фрагментом финальной, условно третьей страницы. Эти фрагменты позволяют увидеть, что финальный вариант рассказа – результат радикальной авторской редакции, когда новеллистическая интрига, связанная с уничтожением гестаповца по кличке Танк агентом ГПУ, разворачивается как этапы психологического поединка эссеиста и Греты, отравившей Танка. Эссеист, притязавший на писательский статус, ожидает исповеди Греты, что может стать основой его будущего романа. Фигура героя-писателя оформляется в ситуации самоанализа, озабоченности своим творческим потенциалом. Сюжет писательского сознания и ремесла осложняется диффузией разных точек зрения на главного героя: нерасчлнённый взгляд профессионального сообщества, обывателя, потребителя его текстов, иронически дистанцированная оценка повествователя, наконец, самодовольная самооценка персонажа. Присутствие в форме несобственно прямой речи сознания героя отводит ему роль рассказчика, который в ходе рассказывания обнаруживает логику поступков. Характер героя проступает в столкновении его самооценки и слова авторитетного повествователя, который разрушает претензии героя на знатока человеческой психологии. Рассказ Греты образует вставную новеллу, текст в тексте. Взаимоотношения эссеиста и Греты, продлившиеся два дня, обнаруживают расхождение его ожиданий и выходящего за рамки типажа роковой кинодивы поведения и слов Греты. Её психологическая пронизательность, внутренний мир в целом остаётся для эссеиста недоступным. Грета стала тем психологическим и нравственным «зеркалом», в котором отразилась его творческая и человеческая несостоятельность. Рассказ «Грета и Танк», пожалуй, единственный рассказ, в котором автор выходит в сферу писательской саморефлексии. Сопряжение слова повествователя, пересечение его сознания с логикой мысли героя в субъектной сфере и смоделированная новеллистическими перипетиями экспериментальная ситуация воплощает идею несостоятельности такого типа писателя, который далёк от понимания «человеческого материала», за которым он «охотится». Герой капитулирует перед сложностью человеческой природы, не укладывающейся в авантюрно-приключенческие рамки.

Во второй части раздела – 2.4.2 «Архивные материалы в аспекте уточнения авторской художественной логики» – исследуется ряд архивных текстов. Целостность (завершенность) алдановских текстов варьируется в широком диапазоне – от законченных

произведений до нескольких или даже одной страницы без начала или конца. Наиболее значимыми представляются черновики, знакомство с которыми позволяет проследить процесс создания произведений и авторскую работу над текстом.

В архиве обнаружены тексты, которые, несомненно, связаны с работой над рассказом «Номер 14»: “Mussoliniana” (1941) и «Донго» (1949). Сведений о публикациях “Mussoliniana” не обнаружено, поэтому этот материал на данный момент можно считать существующем только в архивном варианте. «Донго» – русскоязычная версия опубликованного в лондонской газете “The New Leader” очерка “Mussolini’s Lost Treasure”. Эти два текста хронологически обрамляют «Номер 14», что позволяет проследить изменение семантики исторического персонажа в текстах разной жанровой природы (впервые Муссолини появился в очерке «Из воспоминаний секретаря одной делегации» (1930)).

Несмотря на однозначную оценку Муссолини, высказанную ещё в 1941 году в очерке “Mussoliniana”, Алданов неоднократно возвращается к этой персоне. Предсказав в первом тексте бесславный конец деятельности Муссолини, автор изображает несостоятельность дуче в последние дни жизни в рассказе, написанном уже после смерти Муссолини. Затем, как бы желая окончательно убедиться в верности собственных суждений, он предпринимает путешествие по местам последних дней жизни своего персонажа.

Черновик рассказа «Истребитель» во многом отличается от финального текста. Автор менял рассказ начиная с композиции и заканчивая мелкими деталями. Встреча «большой тройки» вначале не была монолитным эпизодом: после появления трёх лидеров следовал эпизод поездки Марьи Игнатьевны в Ялту к Ивану Васильевичу, затем сюжет конференции продолжался. Вероятно, автор, сознавая такую дискретность, решает структурировать текст, и тогда рождается иная его логика. Если в первоначальном варианте рождалась идея неизбежного сосуществования «властителей мира» и «маленького человека», то окончательный текст реализует, по меньшей мере, два смысловых вектора. Во-первых, целостность эпизода конференции актуализирует идею взаимооценки персонажей; во-вторых, правители, решающие судьбы мира, и частный человек пребывают в разных духовно-психологических измерениях, граница между ними остаётся непреходимой, и авторская позиция склоняется к мысли о праве обыкновенного человека на суверенное существование, не зависящее от решений субъектов политической истории. Некоторые эпизоды черновика не дошли до окончательного варианта.

Некоторые тексты архива не связаны с известными очерками, тем не менее, их персонажи дополняют систему образов и уточняют наши представления о поэтике персонажей у Алданова (Граф Витте в незаконченном одноимённом очерке, советские маршалы Ворошилов и Будённый в очерке «Советские люди в кинематографе»). Архив содержит также ещё один текст на английском языке – «Inside Russia – How Good Stalin’s Generals» (1941).

Обнаружение новых текстов позволяет проследить за развитием представлений автора о герое. Среди наиболее показательных изменений следует назвать редукцию тех или иных фрагментов черновиков, чтобы выдержать жанровые законы малой прозы. Кропотливая работа над подбором нужного слова указывает на известную, по отзывам современников, аккуратность Алданова и позволяет обратить внимание на значимые для автора фрагменты, точность которых была значима для автора. Маргиналии, хотя и не попадают в финальный текст, указывают на трансформацию авторского замысла.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования и намечены возможные перспективы работы. Плодотворным представляется осмысление типов связей романистики и малой прозы. Дальнейшие аналитические усилия могут быть направлены на уточнение жанровой природы многих текстов, составляющих корпус малой прозы.

Приложение представляет собой оригинальный текст и перевод очерка “Mussoliniana”.

Работы, опубликованные по теме диссертации:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Пестерев С. К.** Сфера частной жизни политических персонажей в очерках М. А. Алданова / С. К. Пестерев // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. 2 (130). – С. 26–29. – 0,37 п.л.

2. **Пестерев С. К.** Рассказ М. Алданова «Грета и Танк»: новеллистическая поэтика и художественная саморефлексия / С. К. Пестерев // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 178–184. – 0,47 п.л.

3. **Пестерев С. К.** Персонажи малой прозы М. Алданова: по материалам Бахметьевского архива / С. К. Пестерев // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 396. – С. 21–26. – DOI: 10.17223/15617793/396/3. – 0,65 п.л.

4. **Пестерев С. К.** Очерк М. Алданова «Ванна Марата»: способы создания образов персонажей / С. К. Пестерев // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 397. – С. 44–47. – DOI: 10.17223/15617793/397/8. – 0,48 п.л.

Раздел в коллективной монографии:

5. **Пестерев С. К.** Поэтика очерков М. Алданова / С. К. Пестерев / Жанровые и повествовательные стратегии в литературе русской эмиграции / О. Н. Владимиров, Е. В. Капинос, Е. А. Сафонова [и др.]. – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2014. – С. 127–140. – 1 п.л.

Статьи в других научных изданиях:

6. **Пестерев С. К.** Женские персонажи в очерках М. Алданова / С. К. Пестерев // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов I (XV) международной конференции молодых ученых. Томск, 03–05 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – Вып. 15, т. 2: Литературоведение. – С. 181–185. – 0,31 п.л.

7. **Пестерев С. К.** Ситуация предательства и тип предателя в очерке М. Алданова «Азеф» и рассказе Л. Андреева «Иуда Искариот» / С. К. Пестерев // Эволюция форм экзистенциального сознания: синхрония и диахрония: материалы I молодежной научной школы с международным участием «Синхрония и диахрония: современные парадигмы и современные концепции». Томск, 13–14 июня 2012 г. – Томск, 2012. – С. 48–51. – 0,18 п.л.

8. **Пестерев С. К.** Сюжет политического убийства и система персонажей в очерках Марка Алданова 1920–1940-х годов / С. К. Пестерев // Сюжетология и сюжетография. – 2013. – № 2. – С. 48–53. – 0,45 п.л.

9. **Пестерев С. К.** Сюжет политического убийства в очерках Марка Алданова 1920–40-х гг. / С. К. Пестерев // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: материалы XIV всероссийской конференции молодых учёных, посвященной 135-летию Томского государственного университета. Томск, 04–06 апреля 2013 г. – Томск, 2013. – Вып. 14, т. 2: Литературоведение и издательское дело. – С. 110–114. – 0,25 п.л.

10. **Пестерев С. К.** Имена и тексты культуры в очерках М. Алданова / С. К. Пестерев // Русская литература в современном культурном пространстве: сборник статей по материалам VII всероссийской научной конференции. Томск, 30–31 октября 2015 г. – Томск, 2015–2016. – С. 29–37. – 0,63 п.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 20-0417 от «20» апреля 2017 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28